

Шатохина С.Б., старший преподаватель, кандидат исторических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Россия)

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ В ЕВРОПЕ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Либерализация в середине XIX века выезда российских подданных за границу и начавшаяся женская эмансипация существенно увеличили число путешествующих лиц, в том числе и женщин. В это время происходили перемены в целях поездок русских женщин в Европу. Появился и постоянно увеличивался поток женщин, стремившихся получить высшее образование в европейских университетах. Некоторые из них получили ученые степени в таких научных областях, как математика, химия, медицина, юриспруденция. К сожалению, о большинстве таких женщин известно только узкому кругу историков науки, а из научное и эпистолярное наследие не введено в научный оборот. Новым явлением стала политическая эмиграция женщин, опасавшихся преследования со стороны государства за антиправительственную деятельность. К рубежу XIX – XX веков в европейской общественно-политической и научной жизни появились русские женщины – политические активистки, ученые. Мемуарные и эпистолярные источники содержат значительный фактографический материал об обстоятельствах пребывания русских женщин в Европе, их осмысление виденного, включая европейскую повседневность и менталитет.

Ключевые слова: путешествия, женская эмансипация, Европа, университеты, политическая эмиграция.

DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-02-115-121

Развитие науки, образования и культуры в Российской империи происходило под влиянием европейского опыта. Его освоение осуществлялось, с одной стороны, путем трансляции и внедрения в российскую жизнь выходцами из Европы, с другой стороны, российские подданные овладевали им во время своих поездок в европейские страны. К середине XIX века был накоплен большой багаж поездок с целью коммерции и образования, когда происходило не только овладение научно-технологическими достижениями, но и знакомство с культурой, традициями, особенностями повседневной жизни других стран и народов. Отражение и осмысление европейской жизни российскими путешественниками нашло свое воплощение в источниках личного происхождения – мемуарах, путевых заметках, дневниках, письмах. Среди их авторов с середины XIX века все чаще встречаются женщины, взгляд которых на Европу также нашел свое отражение в источниках личного происхождения.

Начало царствования Александра II, применительно к нашей теме, ознаменовалось либерализацией выезда российских подданных за пределы Отечества и началом активного проявления женской эмансипации.

Несмотря на то, что при его отце стеснения в выезде за границу касались весьма небольшой группы российского общества, новые правила получения заграничных паспортов возродили и существенно расширили практику выезда российских подданных за

границу с самыми разными целями. Изменения, внесенные в августе 1856 года в «Устав о паспортах и беглых», касались, прежде всего, расходов на оформление паспорта и на оплату пошли за время пребывания вне пределов империи. Если в Николаевское время для получения заграничного паспорта требовались баснословные деньги – 500 рублей [20, с. 115], то теперь можно было за 5,5 рублей получить паспорт и право на полугодовое пребывание за границей. За каждые следующие полгода нужно было опять платить по 5 рублей пошлины [28, с. 102-103]. К началу XX века пошлина уже выросла до 15 рублей за полгода, включая 5 рублей для поддержки Российского Общества Красного креста [22, с. 973]. Однако эти суммы в сравнении с 500 рублями Николая I были вполне подъемными и приемлемыми для значительно большего числа российских подданных, имевших желание и необходимость отправиться в заграничное путешествие.

Либерализация выезда послужила толчком к резкому увеличению числа выезжающих. Н.Е. Врангель, вспоминая свое обучение в Швейцарии и Германии в конце 1850-х – начале 1860-х годов, писал в своих мемуарах, что «вскоре после воцарения Александра II паспортные стеснения были значительно облегчены и русские буквально наводнили Европу» [3, с. 80].

Социально-экономические и управленческие реформы в России разбудили российское общество, в котором заговорили о жен-

ской эмансипации. Большая открытость европейской культуре и европейской действительности создавали условия для воплощения в жизнь страны устремлений женщин к проникновению в традиционные сферы занятий мужчин. Кроме европейской моды на женскую эмансипацию, в российской действительности 1860-х годов имелись и иные – социально-экономические основания. Крестьянская реформа ударила по благосостоянию дворянства, особенно средне- и мелкопоместного. Забота о куске хлеба толкала девушек из таких семей зарабатывать его своим трудом, опираясь на доступные виды деятельности – прежде всего, в сфере образования – служба гувернантками, учительницами. Жизнь настойчиво повышала значение образования в жизни женщины. Доступное женское общее образование, открывавшее дорогу в профессию, развивалось во второй половине XIX века бурными темпами. К 1 января 1865 г. в ведении министерства народного просвещения насчитывалось 120 женских училищ, где училось 9 129 человек. В 1873 г. количество учениц гимназий и прогимназий составляло уже 23 тыс. человек, в 1883 – 55,1 тыс., в 1893 – 65,5 тыс., в 1903 – 137 тысяч [24, с. 97].

При этом в начале пореформенного периода в России для женщин отсутствовала возможность получить полноценное высшее образование, а затем реализовать себя в избранной профессиональной сфере. Однако получить и реализовать такую возможность можно было отправившись в европейский университет. Так, с 1860-х годов стал формироваться небольшой, но заметный и яркий ручеек выезжавших из Российской империи молодых женщин в Европу исключительно с академическими целями. Первопроходцами в этом деле стали Н.П. Суслова, М.А. Сеченова, С.В. Ковалевская, Ю.В. Лермонтова, А.М. Евреинова, Е.Ф. Литвинова и др. Они не только получили высшее образование в Европе, но и добились выдающихся для своего времени успехов в науке, став первыми русскими женщинами с учеными степенями: в химии – Юлия Лермонтова, в математике – Софья Ковалевская и Елизавета Литвинова, в медицине – Надежда Суслова и Мария Сеченова, в юриспруденции – Анна Евреинова.

Каждая из них оставила не только науч-

ные труды, но и комплексы иных текстов – писем, дневников, заметок. В них, несомненно, запечатлены и наблюдения, связанные с осмыслением европейской действительности. К сожалению, из выше перечисленных женщин-ученых, только С.В. Ковалевская широко известна российской научной общественности, благодаря многочисленным публикациям ее текстов мемуарного и эпистолярного жанра [7; 8; 9; 10; 11; 19]. Были опубликованы воспоминания И.И. Малевича и Е.Ф. Литвиновой и А.Ш. Леффлер, хорошо знавших ее, в том числе и в заграничной жизни [5; 15; 17]. Жизни и научным достижениям С.В. Ковалевской посвящены 5 монографий [2; 16; 13; 29; 30], авторы которых не могли обойти вниманием зарубежный период жизни героини, включая в повествование ее наблюдения, оценки и суждения о европейских реалиях, почерпнутые из ее текстов. Вышли статьи, посвященные анализу мемуарного и рукописного наследия С.В. Ковалевской [1, с. 195-198; 6, с. 96-97]. Другим женщинам в этом плане повезла намного меньше [18; 25], что дает основание надеяться на то, что в ближайшее время будет предпринят поиск и ведение в научный оборот источников, которые позволят узнать более полно и детализировано обстоятельства их жизни и учебы в европейских университетах.

Проявления женской эмансипации не ограничивались только образовательной сферой. «В поисках самоопределения и перехода в общество, связанное с радикально-демократической культурой противодействия, женщины принимали решение строить свою жизнь на основе новой системы ценностей и расширять радиус своих действий за пределами традиционных семейных границ, среди широкой общественности» [21, с. 201]. Включенность женщин в политическую деятельность не могла не привести к тому, что следом за начавшейся практикой выезда молодых женщин Российской империи в Европу с академическими целями за границей стали искать политического убежища женщины из радикальных подпольных групп.

Если обучавшиеся в европейских университетах рассматривали возвращение в России как наиболее вероятный вариант жизненного сценария, то для политических активисток такая перспектива была наименее возможной. Это было не длительное образовательное путешествие, а эмиграция. Однако к

началу XX века постепенно складывалась такая группа оппозиционных деятелей, в том числе и женщин, которые на первых порах выезжали в Европу с локальными политическими целями не навсегда. Это были поездки под прикрытием образования, лечения, отдыха и других дозволенных законом целей. Например, А.М. Коллонтай официально в 1898 году выехала учиться в Швейцарию, в Цюрихский университет. До 1905 года она неоднократно выезжала в европейские страны и возвращалась в России, и только в 1908 году нелегально эмигрировала из России в связи с опасностью ареста [12, с. 433, 437].

Наибольшее же число женщин, выезжавших за пределы Отечества, имели целью таких поездок отдых, лечение, знакомство с достопримечательностями других стран. Фиксация цели заграничной поездки была непременным обстоятельством в русской мемуарной литературе рассматриваемого времени. Приведем только несколько примеров, когда мужчины сопровождали женщин в поездках за границу. Зачастую это было связано с тем, что жены и дети обычно вписывались в паспорт мужчины. С.Д. Урусов в 1899 году выезжал вместе со своей женой в Италию для её лечения [27, с. 298]. А.А. Татищев в 1907 году сопровождал свою мать в Афины, куда она ехала морем из Одессы на отдых [26, с. 45-48]. И.Ф. Кошко в 1911 году сопровождал из Петербурга до Ниццы жену и сына, куда они ехали для отдыха и лечения сына [14, с. 16].

Примечательно и еще одно обстоятельство. Выбор места лечения или отдыха зачастую обуславливалось наличием в этом месте не просто русских отдыхающих или пациентов, а желательны лиц из того же социального круга, а еще лучше друзей и знакомых. Многочисленность русских подданных в некоторых европейских городах объясняется тем, что люди выбирали их из-за того, что здесь можно было найти свое общество – общество своего круга, своих знакомых, друзей, родственников, которые хорошо осведомлены в местных условиях жизни и могут помочь адаптироваться в начальный период. Этими соображениями руководствовались супруги Кошко, когда выбирали место лечения для сына между итальянским Сальдо-Маджоре и французской Ниццей. «Мы остановились на Ницце, где жизнь лучше налажена и где всегда

можно было найти знакомое русское общество» [14, с. 9]. Это было важно для жены И.Ф. Кошко еще и потому, что муж должен был сразу же возвращаться в Россию, чтобы принимать должность пермского губернатора. Женщине было необходимо общение в течение нескольких месяцев с близкими по статусу и положению людьми. Ницца для этого бала вполне подходящим местом.

Одними из самых русских курортно-оздоровительных городов Европы были Ницца и Карлсбад, не менее востребованными были водолечебницы Германии, приморские город Италии, Лазурного берега Франции. «Ницца всегда переполнена русскими. Во время моего приезда их насчитывали до 30 тысяч» – вспоминал И.Ф. Кошко [14, с. 16].

О важности коммуникативного окружения женщины за границей свидетельствуют сюжеты в их мемуарах и эпистолярных источниках. Так, А.Я. Панаева, вспоминая о поездках за границу, подробно повествует о круге соотечественников и иностранцев в Берлине и Париже, в котором происходило её интенсивное общение [20, с. 122-128]. У нее мы находим и любопытное замечание, свидетельствующее о том, что и за границей общение соотечественников мало чем отличалось по своей сути от общения дома: «постоянные сплетни и дразги, господствовавшие в среде приятелей, окружавших Панаева, надоели и опротивели мне страшным образом». Поэтому она очень обрадовалась, когда через М.А. Бакунина познакомилась с казанскими помещиками братьями Толстыми, «людьми очень образованными и чуждавшимися тех парижских развлечений, до которых так падко большинство русских путешественников». Это знакомство изменило настроение и времяпровождение А.Я. Панаевой. Теперь она «часто проводила вечера в обществе Бакунина и братьев Толстых и за чаем с наслаждением слушала их беседы, всегда интересные и для меня совершенно новые» [20, с. 128].

Об определенном эмоциональном голоде свидетельствует подборка писем А.М. Коллонтай, охватывающий период 1908 – 1914 годов [12, с. 46-116], особенно те письма, которые адресованы близкой подруге Т.Л. Щепкиной-Куперник. А.М. Коллонтай активно общалась с соратниками по политической деятельности в Германии, Франции,

Бельгии, Англии, Швейцарии, Швеции, с соотечественниками и иностранцами, с мужчинами и женщинами, с людьми из разных социальных слоев, на русском, немецком, французском, английском, шведском языках. Однако именно в переписке с Т.Л. Щепкиной-Куперник она находила человеческое, душевное общение, которого ей недоставало вдали от России. В отличие от писем Г.В. Плеханову, только в письмах к лучшей подруге она повествует о том, что её по-человечески волнует за пределами политической борьбы – литература, театр, выставки, музеи, встречи с интересными людьми, ностальгические воспоминания об общих событиях. С ней она делится сомнениями и успехами в своей политической деятельности, планами отдыха и предстоящих поездок и встреч.

Примечательно, что до середины XIX века женщины из России, даже длительно проживавшие в Европе не участвовали в местной общественно-политической, культурной, научной жизни. К рубежу XIX – XX веков такие женщины появились и громко о себе заявили. С.В. Ковалевская в 1884 – 1891 годах занимала должность профессора кафедры математики в Стокгольмском университете. А.М. Коллонтай в начале XX века прочно вошла в число активных деятелей европейского женского, рабочего, социал-демократического движения.

Одним из неперенных факторов, обеспечивающих женщинам принятие решения о поездке в Европу, являлось владение иностранным языком. Без этого невозможно было думать о получении образования в европейском университете, трудно было общаться с местными жителями в повседневной жизни, если поездка была связана с лечением или отдыхом. Практически все выезжавшие русские женщины владели хотя бы одним иностранным языком. Несмотря на это иногда возникали у российских подданных казусы, связанные с языковыми проблемами. Например, С.Д. Урусов, повествуя по поездке в 1899 году в Италию, рассказал о том, как была расстроена его жена из-за потери части багажа и из-за трудностей объяснения со служащими вокзала в Генуе на незнакомом для неё итальянском языке [27, с. 298]. Еще один эпизод подобного рода находим в «Отрывке из романа, происходящего на Ривьере»

С.В. Ковалевской. Некая дама Мария Николаевна на пути из Петербурга в Ниццу делает остановку в Генуе. Здесь она испугалась местных носильщиков, каждый из которых «старался завладеть ее багажом и кричал ей что-то для нее непонятное. Хотя Марья Николаевна и читала немного по-итальянски, но понять того, что эти люди кричали ей, она была не в состоянии». Ситуация разрешилась благодаря ломаному французскому языку сторожа на вокзале [9, с. 288-289].

Еще более любопытный случай приводит в своих воспоминаниях Варвары Духовской: «Муж выписал из Петербурга своего бывшего денщика Станислава. Поразительно, что этот крестьянин Седлецкой губернии, не зная ни одного иностранного слова, сумел проехать из Петербурга в Париж, в третьем классе, в поездах, где приходилось бесконечное число раз пересаживаться» [4, с. 95]. Категоричное утверждение русской аристократки, жены генерал-губернатора Туркестанского края о том, что денщик не знал ни одного иностранного слова, не соответствовала действительности. Языковая среда, смекалка и необходимость решать поставленную задачу сделали свое дело. Конечно, он не мог связно и свободно общаться, но с помощью попутчиков, а иногда только с помощью жестов и минимума обиходных слов он получал необходимые сведения и смог-таки добраться до пункта назначения. Попутно набирался словарный запас, запоминались устойчивые бытовые выражения, формировались элементарные языковые компетенции, которые вряд ли денщик демонстрировал своим господам.

В середине XIX – начале XX века в практике поездок российских подданных произошли существенные изменения. Прежде всего существенно вырос поток выезжающих в Европу по самым разным поводам благодаря либерализации нормативной базы и удешевлению оформления заграничного паспорта. Женская эмансипация способствовала не только увеличению числа женщин, которые отправлялись в европейские страны для лечения и отдыха, но и добавила новые целеполагания такого путешествия. Новым явлением для заграничных поездок женщин в этот период стали стремление получить в европейских университетах высшего образования и политическая эмиграция. Хотя

доля женщин, отправлявшихся в Европу с такими целями, была не большой, но она была заметным и широко обсуждаемым явлением в

жизни страны, что нашло свое отражение в мемуарных и эпистолярных источниках.

Список литературы

1. Афанасьева Ю.Ю. Софья Ковалевская в воспоминаниях и критических исследованиях // Вестник ТГПУ. 2015. № 10 (163). С. 195-198.
2. Воронцова Л. Софья Ковалевская. М.: Молодая гвардия, 1959.
3. Врангель Н.Е. Воспоминания: От крепостного права до большевиков. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
4. Духовская В. Туркестанские воспоминания. СПб., 1913.
5. Ель Е. (Литвинова Е.Ф.) Из времен моего студенчества. Знакомство с С.В. Ковалевской // Женское дело. 1899. № 4. С. 34-63.
6. Князев Г.А. О рукописном наследии Софьи Васильевны Ковалевской // Вестник АН СССР. 1944. № 6. С.96-97;
7. Ковалевская С. В. Воспоминания и письма. М.: Академия Наук СССР, 1951.
8. Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. К 125-летию со дня рождения. Академия Наук СССР. Литературные памятники. М.: Наука, 1974.
9. Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М.: Издательство «Правда», 1986.
10. Ковалевская С. В. Избранные произведения. М.: Советская Россия, 1982.
11. Ковалевская С.В. Три дня в крестьянском университете в Швеции // Северный вестник. 1890. № 12.
12. Коллонтай А.М. «Революция – великая мятежница...» Избранные письма. 1901 – 1952. М., Советская Россия, 1982.
13. Кочина П. Я. Софья Васильевна Ковалевская. М.: Наука, 1981.
14. Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора. Пермь (1911 – 1914). Екатеринбург: Демидовский институт, 2007.
15. Леффлер А.Ш. Софья Ковалевская / перевод со шведского М. Лучицкой. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2000.
16. Литвинова Е.Ф. С.В. Ковалевская: Ее жизнь и научная деятельность. СПб., 1894.
17. Малевич И.И. Воспоминания // Русская старина. 1890. № 12. С. 615-654.
18. Мусабеков Ю. С. Юлия Всеволодовна Лермонтова, 1846-1919. М., 1967.
19. Памяти С. В. Ковалевской. Сборник статей. М.: Академия Наук СССР, 1951.
20. Панаева А.Я. Воспоминания. М., 1956.
21. Пиетров-Эннкер Б. «Новые люди» России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М., 2005.
22. ПСЗРИ. Собр. III. Т. XX. 1900. Отд. I. 17968 – 19504 и дополнения. СПб., 1902.
23. Пушкарева Н.Л. Из небытия: женские имена в российской науке начала XX в. // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 1 (72). Выпуск 13. С. 143-149;
24. Руднева Я.Б. Студентка в Российской империи: протест, адаптация, интеграция // История и историческая память. 2012. Выпуск 5. С. 97.
25. Сизов И. Талантливая сестра прославленной авантюристки // <https://igor-sizov.livejournal.com/16810.html>
26. Татищев А.А. Земля и люди: В гуще переселенческого движения (1906 – 1921). М.: Русский путь, 2001.
27. Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
28. Устав о паспортах и беглых // СЗ. Собр. III. СПб., 1857. Т.14. С. 102–103.
29. Халамайзер А.Я. Софья Ковалевская. М., 1989.
30. Штрайх С.Я. С. Ковалевская. М., 1935.

RUSSIAN TRAVELERS IN EUROPE IN THE MID-XIX - THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Liberalization in the middle of the XIX century, the departure of Russian nationals abroad and the onset of female emancipation significantly increased the number of travelers, including women. At this time there were changes in the purpose of the visits of Russian women to Europe. Appeared and constantly increased the flow of women who sought to obtain higher education in European universities. Some of them received scientific degrees in such scientific areas as mathematics, chemistry, medicine, and jurisprudence. Unfortunately, most of these women are known only to a narrow circle of historians of science, and from the scientific and epistolary heritage has not been introduced into scientific circulation. A new phenomenon was the political emigration of women who feared persecution by the state for anti-government activities. By the turn of the 19th and 20th centuries, Russian women — political activists and scholars — had appeared in the European sociopolitical and scientific life. Memoirs and epistolary sources contain significant factual material about the circumstances of the presence of Russian women in Europe, their understanding of what they have seen, including the European everyday life and mentality.

Keywords: travel, women's emancipation, Europe, universities, political emigration.

References

1. Afanas'eva Yu.Yu. (2015). Sof'ya Kovalevskaya v vospominaniyah i kriticheskikh issledovaniyah [Sofia Kovalevskaya in flashbacks and critical research]. *Vestnik TGPU [Herald TSPU]*, № 10 (163). P. 195-198.
2. Vorontsova L. (1959). Sophia Kovalevskaya [Sophia Kovalevskaya]. M.: Young Guard.
3. Wrangel N.E. (2003). Vospominaniya: Ot krepostnogo prava do bol'shevikov [Memories: From serfdom to the Bolsheviks]. M.: New Literary Review.
4. Duhovskaya V. (1913). Turkestanskije vospominaniya [Turkistan memoirs]. SPb.
5. El' E. (Litvinova E.F.) (1899). Iz vremen moego studenchestva. Znakomstvo s S.V. Kovalevskoj [From the times of my students. Meet with S.V. Kovalevskaya]. *ZHenskoe delo [Women's business]*. № 4. P. 34-63.
6. Knyazev G.A. (1944). O rukopisnom nasledii Sof'i Vasil'evny Kovalevskoj [On the handwritten heritage of Sofia Vasilievna Kovalevskaya]. *Vestnik AN SSSR [Bulletin of the USSR Academy of Sciences]*. № 6. P. 96-97.
7. Kovalevskaya S. V. (1951). Vospominaniya i pis'ma [Memoirs and Letters]. M.: Akademiya Nauk SSSR.
8. Kovalevskaya S.V. (1974). Vospominaniya. Povesti. K 125-letiyu so dnya rozhdeniya. Akademiya Nauk SSSR. Literaturnye pamyatniki [Memoirs. Tale. To the 125th anniversary of birth. Academy of Sciences of the USSR. Literary monuments]. M.: Nauka.
9. Kovalevskaya S.V. (1986). Vospominaniya. Povesti [Memoirs. Tale]. M.: Izdatel'stvo «Pravda».
10. Kovalevskaya S.V. (1982). Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]. M.: Sovetskaya Rossiya.
11. Kovalevskaya S.V. (1890). Tri dnya v krest'yanskom universitete v SHvecii [Three days at a peasant university in Sweden]. *Severnyj vestnik [Northern Herald]*. № 12.
12. Kollontaj A.M. (1982). «Revoljuciya – velikaya myatezhnica...» Izbrannye pis'ma. 1901 – 1952. [“The revolution is a great rebel ...” Selected letters. 1901 – 1952]. M., Sovetskaya Rossiya.
13. Kochina P.Ya. (1981). Sof'ya Vasil'evna Kovalevskaya [Sofia Vasilievna Kovalevskaya]. M.: Nauka.
14. Koshko I.F. (2007). Vospominaniya gubernatora. Perm' (1911 – 1914) [Memories of the governor. Perm (1911 - 1914)]. Ekaterinburg: Demidovskij institute.
15. Leffler A.Sh. (2000). Sof'ya Kovalevskaya [Sofia Kovalevskaya]. Izhevsk.
16. Litvinova E.F. (1894). S.V. Kovalevskaya: Ee zhizn' i nauchnaya deyatel'nost' [S.V. Kovalevskaya: Her life and scientific activities]. SPb.
17. Malevich I.I. (1890). Vospominaniya [Memories]. *Russkaya starina [Russian past]*. № 12. P. 615-654.
18. Musabekov Yu.S. (1967). Yuliya Vsevolodovna Lermontova, 1846-1919 [Yulia Vsevolodovna Lermontova, 1846-1919]. M.
19. Pamyati S.V. Kovalevskoj. Sbornik statej [In memory of S. V. Kovalevskaya. Digest of

articles]. (1951). M.: Akademiya Nauk SSSR.

20. Panaeva A.Ya. (1956). Vospominaniya [Memories]. M.

21. Pietrov-Ennker B. (2005). «Novye lyudi» Rossii. Razvitie zhenskogo dvizheniya ot istokov do Oktyabr'skoj revolyucii [“New People” of Russia. The development of the women's movement from the beginnings to the October Revolution]. M.

22. PSZRI. Sobr. III. (1900). [CPSI. Collected III]. T. XX. Otd. I. 17968 – 19504 i dopolneniya.

23. Pushkareva N.L. (2010). Iz nebytiya: zhenskie imena v rossijskoj nauke nachala XX v. [Pushkareva N.L. From non-existence: female names in Russian science at the beginning of the 20th century]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika* [Scientific statements of BelSU. History series. Political science. Economy. Computer science]. № 1 (72). P. 143-149.

24. Rudneva Ya.B. (2012). Studentka v Rossijskoj imperii: protest, adaptaciya, integraciya [A student in the Russian Empire: protest, adaptation, integration]. *Istoriya i istoricheskaya pamyat'* [History and historical memory]. Vypusk 5.

25. Sizov I. Talantlivaya sestra proslavlennoj avantyristski [The Talented Sister of the Glorified Adventurer]. <https://igor-sizov.livejournal.com/16810.html>

26. Tatishchev A.A. (2001). Zemlya i lyudi: V gushche pereselencheskogo dvizheniya (1906 – 1921) [Land and people: In the thick of the migration movement (1906 – 1921)]. M.: Russkij put'.

27. Urusov S.D. (2009). Zapiski. Tri goda gosudarstvennoj sluzhby [Notes. Three years of public service]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

28. Ustav o pasportah i beglyh [Charter of passports and runaway] (1857). SZ. Sobr. III. SPb. T.14. P. 102–103.

29. Halamajzer A.Ya. (1989). Sofya Kovalevskaya [Sofia Kovalevskaya]. M.

30. SHtrajh S.Ya. S. Kovalevskaya [S. Kovalevskaya]. M.

Об авторе

Шатохина Светлана Богдановна – старший преподаватель, кандидат исторических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Россия), E-mail: shatohina@bsu.edu.ru

Shatokhina Svetlana Bogdanovna – Senior Lecturer, Ph.D. in History, Belgorod State National Research University (Russia), E-mail: shatohina@bsu.edu.ru